

Онтология Бодрийяра: эмпирическое исследование и отказ от реального

Стивен Дж. Коул

Department of Sociology, University of Alberta, Edmonton, Canada

I. Введение

Использование работ Бодрийяра в качестве основы для эмпирического исследования может казаться неприемлемым, поскольку он пытается ликвидировать «принцип реальности». Поэтому возникает вопрос, каким образом теория, отрицающая «реальное и реальность», может использоваться для проведения эмпирического исследования? Разве такая попытка не является неизбежно противоречивой и заведомо обреченной на провал? Однако, такие вопросы возникают вследствие неверного понимания «критики “реальности”» Бодрийяра. Он определяет реальность следующим образом:

Реальность, её понятие или принцип, подразумевает, я считаю, целую систему ценностей, связанных с этим принципом. Реальное как таковое включает возникновение и конец, прошлое и будущее, цепь причин и следствий, протяжённость и рациональность. Нет реального без этих элементов, без объективной структуры (configuration) дискурса. И оно исчезает при смещении внутри этой констелляции¹.

Из этой цитаты, одного из редких случаев, когда Бодрийяр излагает, что он в действительности понимает под реальностью, становится ясно, что «убийство реального» у Бодрийяра влечёт скорее *смерть* концептуальной системы, чем отказ от самого материального мира. Бодрийяр как нимало не сомневается в существовании мира эмпирического опыта, так и не считает эмпирическое познание излишним либо бесполезным. Наоборот, многие теоретические догадки Бодрийяра вытекают из эмпирического анализа современных практик потребления и пролиферации знаков. Более того, изучение Бодрийяром СМИ и рекламной деятельности существенно для его теоретического и «метатеоретического» развития. Поэтому отсутствие в литературе о Бодрийяре комментариев об эмпирическом исследовании влечет неверную оценку его теоретического наследия. Однако, в действительности Бодрийяр открывает проблему, касающуюся тенденции эмпирического исследования к симуляции и воспроизведению самих социальных условий, которые оно стремится выявить.

Уже в период работы над текстом «К критике политической экономии знака» Бодрийяр осознавал, как эмпирическое исследование симулирует реальность в теории. Например, многие социологические исследования изучают потребление как при-

Cole St.J. Re-examining Baudrillard's Ontology: Empirical Research and Denying the Real // International Journal of Baudrillard Studies. 2010. Vol. 7. № 2. Редакция выражает благодарность доктору Ст.Дж. Коулу и главному редактору «International Journal of Baudrillard Studies» доктору Дж. Култеру за любезное разрешение на перевод и публикацию материала.

© Стивен Дж. Коул, 2010.

© Л. Кудря, перевод, 2010.

¹ Baudrillard J. The Vital Illusion. N.Y.: Columbia University Press, 2000. P. 63.

знак социального статуса; тем не менее, как считает Бодрийяр, этот подход скрытым образом содержит «порочный круг в рассуждении об объектах, отождествляемых с какой-либо социальной категорией, которая, как покажет уже полный анализ, описана на основе этих же объектов [...] Здесь возвратная индукция скрывает круговую дедукцию¹». Выражаясь иначе, определённые объекты действуют как знаки/референты для теоретической классификации (социальных категорий), в то время как сами социальные категории обусловлены потреблением указанных объектов. Таким образом, объекты (знаки) не обозначают какую-либо *реальную* социальную категорию (означаемое); и означающее, и означаемое являются знаками, симулирующими реальность в теории. Тем не менее, данные проблемы не лишают значимости эмпирическое исследование. На протяжении всей своей научной карьеры Бодрийяр доказывает, что данное исследование не может познать «реальность» или претендовать на это, если симуляция остаётся для него неосознанной. Рассматривая Бодрийяра в таком ключе, невозможно увидеть новизну и радикальность его мысли, поскольку уже до него Маркс обрушил свою критику на проблему теоретической/буржуазной «реификации» и особенность эмпирического исследования, заключающуюся в склонности к воспроизводству теоретических допущений.

Начиная со второй половины 1980-х гг. Бодрийяр в своих текстах пытается фиксировать «другую сторону» реальности – скорее с точки зрения объекта, чем субъекта. Так, хотя в «Зеркале производства» и «К критике политической экономии знака» он и обрушивается с критикой на «объективную реальность» и внешний референт, позже он использует последний для того, чтобы подвергнуть сомнению эпистемологические требования критической теории. Однако, эта «поздняя» позиция скорее не противоречит «ранней» критике проблематизации объекта, а продолжает её линию. Объект уклоняется от всех наших систематических попыток фиксировать его, позволяя нам тем самым непреднамеренно симулировать его «природу» или реальность в целом. Таким образом, социальное исследование в конце концов скорее симулирует, чем раскрывает истину, таящуюся по ту сторону видимости явлений. В связи с отсутствием подлинного знания о референтах мы не можем полагать объекты вне их диалектических отношений со своей противоположностью и, следовательно, должны противопоставить вещам их «гиперреальные» формы: «Более истинному, чем истинное, противопоставим более ложное, чем ложное. Не будем противопоставлять прекрасное и уродливое, но отыщем ещё более уродливое, чем само уродливое: чудовищное. Не будем противопоставлять видимое и скрытое, но ещё более скрытое, чем само скрытое: тайное»².

Но что такое это «тайное»? И как и почему оно является «ещё более скрытым, чем само скрытое»? Бодрийяр считает, что диалектика содержит глубокую истину: не существует «истины», поскольку мир – это только видимость. Таким образом, когда Бодрийяр утверждает, что мы должны отыскать «более скрытое, чем скрытое», он не пытается найти некую *основополагающую* истину, но «скрытую» истину видимости или иллюзии. Но каким образом истина может быть иллюзией? На оба вопроса Бодрийяр отвечает своим любимым примером. Факт восприятия субъектом света ещё не гарантирует существование звезды, поскольку огромное расстояние между субъектом

¹ Baudrillard J. For a Critique of the Political Economy of the Sign. St. Louis: Telos Press, 1981. P. 33.

² Baudrillard J. Fatal Strategies. New York: Semiotext(e), 1990. P. 7.

и объектом позволяет воспринимать звезду, которая давно перестала существовать. Бодрийяр распространяет это соотношение на все физические объекты: «Факт непреодолимого расстояния и невозможной одновременности... служит предельным основанием, так сказать, *материальным определением* иллюзии»¹. Связанные этим рассеянием света и его относительной скоростью, все объекты существуют только в виде некой «записи», так что вещи никогда не «присутствуют» подлинным образом (truly) и не являются «истинными» в отношениях между собой². Тем не менее, вне пространственно-временной дистанцированности субъекты не способны воспринимать что бы то ни было, поскольку всё множество вещей представляло бы собой нечто неупорядоченное (crowded together)³. Следовательно, объективность является следствием той иллюзии, будто вещи сосуществуют в реальном времени. Тем не менее, Бодрийяр считает эту иллюзию необходимой, поскольку без неё мы не могли бы иметь какое-либо знание. Объективность и иллюзия, таким образом, не могут быть противопоставлены, поскольку иллюзия неотъемлема от реальности.

Некоторые исследователи считают рассматриваемый подход Бодрийяра «метафизической бессмыслицей», данные аспекты его мысли вытекают из исследований физики. Подобно тому, как это происходит в квантовой физике, Бодрийяр не «отрицает реальность», а подчеркивает нестабильность объекта исследования. Тем не менее, хотя в адрес современных физиков редко звучат обвинения в отрицании существования материального мира, Бодрийяра постоянно обвиняют в такого рода утверждениях. Но редко обсуждается, почему Бодрийяра обвиняют в том, что он якобы занимает такую абсурдную позицию. Я полагаю, что это недопонимание существует по крайней мере по трем причинам:

- 1) нерегулярное издание работ Бодрийяра на английском языке, представляющее рассогласованное и грубое понимание отрицания Бодрийяром реального;
- 2) институциональный сдвиг в научных кругах в 1980-х гг., обусловленный подъёмом культурологических исследований и постмодернизма;
- 3) неудачная попытка понять бодрийяровский анализ современной науки.

Английский перевод работ Бодрийяра остаётся проблематичным по нескольким причинам. Как отмечает Геноско, несмотря на то, что «Telos Press» представило англоговорящей аудитории многие ранние работы Бодрийяра, такие книги, как «Зеркало производства», проработаны довольно грубо и содержат несколько «непрофессиональных» сносок, говорящих «полную фразу этой цитаты [Кристевой] не удалось найти» или «не удалось найти страницы для некоторых цитат из Гodelь». Сам перевод также имеет ряд проблем. Например, на первой странице французский термин «фантазм» переводится как «фантом», а далее, через несколько строк, как «фантазм». В дополнение к таким языковым проблемам, работы Бодрийяра были опубликованы не в том порядке, в каком написаны, и со значительными отсрочками и перерывами. Скотт Лэш убеждён, что разница в восемнадцать лет между французской и английской публикациями «Символического обмена и смерти» (в 1976 и 1993 гг. соответственно) пагубно сказалась на статусе Бодрийяра как теоретика. И пока догадки и откровения Бодрийяра применялись в области искусства, культурологии, а также в со-

¹ Baudrillard J. The Perfect Crime. New York: Verso, 2002. P. 52.

² Ibid. P. 51–52.

³ Ibid. P. 52.

циологии культуры и медиа, «теоретики настойчиво отказывались воспринимать Бодрийера серьезно... были склонны набрасываться на его работы, считая их поверхностными и даже незначительными. Они отвергали их как “дутую семиотику” и “дутую социологию” (“airhead semiotics” and “airhead sociology”)¹. А те теоретики, кто занимался Бодрийером, столкнулись с рядом проблем, связанных с переводом, отсрочками публикаций, а также проблемой хронологического разрыва, которые излагались выше. Например, Бэст утверждает, что у Бодрийера «отказ от потребностей в целом – это идеалистический жест, отрицающий физическое тело»². Тем не менее, в одной из своих ранних книг Бодрийер четко ограничивает «потребление» потреблением «различия» посредством заменяемых объектов. Поскольку пища не может быть заменена чем-либо еще, голод, следовательно, не является актом потребления; очевидно, что у нас действительно имеется «функциональная потребность» в пище³. Всё же неверное понимание и враждебное отношение не объясняется только трудностями, связанными с публикациями работ Бодрийера.

Статус псевдоинтеллектуала, «отрицающего реальность», закрепился за Бодрийером вследствие полемических схваток вокруг постмодернизма в 1980-х – начале 1990-х гг. Сегодня основания этой схватки хорошо известны. В то время как постмодернисты ставили под вопрос все формы гносеологической и онтологической достоверности, объявляли конец метанаррации и предвещали смерть социального, другие изображали постмодернизм как аполитичную, идеологически ангажированную форму мысли. Вновь созданные кафедры культурологии конкурировали между собой из-за ограниченных университетских фондов в ходе урезания бюджета в 1980-х гг., учреждаемые дисциплины и кафедры оказались разделены явлением постмодернизма в науке. Впоследствии сам термин «постмодерн» использовался либо как обозначение для переднего края развития теории, либо в смысле падения теоретического уровня до тривиальной и асистематичной формы мысли. В этой напряженной атмосфере Бодрийеру приклеили ярлык «первосвященника постмодернизма». Это служит признаком непонимания и определённой политики вокруг Бодрийера, поскольку сам он утверждает, что «такие ссылки на первосвященство не имеют смысла... Прежде чем говорить о том, что некто является первосвященником, следует спросить, имеет ли смысл постмодернизм и постмодерн. Коль скоро дело касается меня, отвечу: не имеет»⁴. Всё же, несмотря на то, что Бодрийер отвергает своё «первосвященство», он стал «патриархом постмодернизма» и поэтому вызвал на себя такое глубокое критическое возмущение, как ни один другой теоретик. Например, в одной малоизвестной полемике Кристофер Норрис задает следующий вопрос: «насколько глубоко может ошибаться мыслитель, чтобы продолжать претендовать на серьёзное внимание к себе? В этом смысле показателен случай Жана Бодрийера, культовой фигуры на современной постмодернистской сцене и поставщика некоторых из самых нелепых идей,

¹ Lash S. *Dead Symbols: An Introduction // Theory Culture and Society*. 1995. P. 71.

² Best S. *The Commodification of Reality and the Reality of Commodification: Baudrillard, Debord, and Postmodern Theory / Baudrillard: A Critical Reader*. Edited by Douglas Kellner. Cambridge, USA: Blackwell, 1995. P. 59.

³ Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis: Telos Press, 1981. P. 69.

⁴ Baudrillard J. *I Don't Belong to the Club, To the Seraglio / Baudrillard Live: Selected Interviews*. Ed. by Mike Gane. New York: Routledge, 1993. P. 21.

которые всё-таки завоевали себе аудиторию среди учеников модных французских интеллектуалов»¹.

Далее Норрис следующим образом подводит итог анализу позиции Бодрийяра: нет способа различить реальное и симулированное, отсутствуют фактуальные или объективные основания для оценки критериев познания, и жажда таких оценочных оснований – всего лишь тоска по прошлому². Но в то время как Бодрийяр действительно заявляет такие критерии, изложение позиции Бодрийяра Норрисом попросту вульгаризирует её, изображает её как соломенного человечка, которого легко сломать. Так, например, Норрис отмечает, хотя Бодрийяр делает это первым, что мы никогда не сможем иметь «истинное знание» о том, если или когда началась или могла начаться первая Война в заливе, мы лишь вынуждены «допустить» тот факт, что люди погибли, здания разрушены, и на иракской земле проливалась *реальная* кровь³. Считая такие факты «допущением», Норрис демонстрирует провал своей попытки понять суть аргументов Бодрийяра: войне как отдельному объективному событию предшествовали анализ, моделирование и стратегия в такой мере, что её действительное начало уже не могло быть отделено от её априори симуляции. Иными словами, «модель войны» предшествует реальному событию, делая невозможным определение чего-либо как объективного события извне его симуляции. Подобным образом, Норрису также не удаётся разглядеть политическую стратегию за нежеланием Бодрийяра признавать Войну в заливе «реальной» войной. Ввиду огромного перевеса в численности американских войск Бодрийяр утверждает, что вряд ли мы можем называть военные действия «войной» в традиционном смысле этого слова. Итак, несмотря на то, что это заявление Бодрийяра звучит как официальное обвинение против империалистских происков вооруженных сил США, Норрис понимает его буквально как еще одно нелепое заявление о том, что война «нереальна» и что её не было⁴.

Как далеко зашла анти-бодрийяровская полемика? Для Норриса предположение, что учёные не могут отличить реальное от нереального, не только является признаком идеологически доминирующей формы мышления, но также указывает на несостоятельность научного сообщества: сложилась ситуация, когда мыслитель, подобный Бодрийяру, наряду с другими фигурами на постмодернистской сцене, может рассчитывать на успех и сочувствие широкого круга читателей к аргументам, кричащая нелогичность которых никогда не сошла бы со страниц книг, если бы не это прискорбное снижение стандартов интеллектуального уровня»⁵.

В силу поразительного непонимания Норрисом Бодрийяра в его адрес можно высказать точно такое же обвинение. Читая Норриса крайне внимательно, можно предположить, что большинство работ, написанных Бодрийяром в начале 1990-х гг., не должны были быть переведены, как не должен был Бодрийяр отвечать на критику в свой адрес и вносить ясность в недопонимание его позиции. Один важный аспект такого прояснения заключается в обращении Бодрийяра к физике за поддержкой мно-

¹ Norris Ch. *Uncritical Theory: Postmodernism, Intellectuals, and the Gulf War*. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1992. P. 11.

² Ibid. P. 11–13.

³ Ibid. P. 92.

⁴ Ibid. P. 192.

⁵ Ibid. P. 20.

гих своих онтологических и эпистемологических утверждений. Если бы эти аспекты работ Бодрийяра были доступны или выдвинуты на передний край, возможно, таких полемических атак удалось бы избежать. Поскольку многие критики обвиняют Бодрийяра в отрицании реальности, некоторые выдвигают такие же обвинения в полном объеме против квантовых физиков. Таким образом, я обращаюсь к физике, поскольку кажется, будто работы Бодрийяра об «исчезновении» эмпирических объектов и «утрате внешнего референта» ограничены только сферой семиотики или философии. Однако, как мы увидим, квантовая физика также служит определенным основанием для утверждения Бодрийяра о том, что объект, или референт, сбивает нас и ускользает от наших попыток определить и идентифицировать его. Итак, я вовсе не намерен преуменьшать важность семиотических и литературных работ Бодрийяра, но также очень важно представить релевантность его теории за пределами строго ограниченного текстуального анализа. Обращаясь одновременно и к эмпирической/научной, и к текстуальной/литературной стороне работ Бодрийяра, мы можем обнаружить, что те парадоксы и те параллели, которые возникают из предполагаемого противопоставления этих двух аспектов, представляют реальность наиболее интересным образом. Я утверждаю, что сверх ожидания эти парадоксальные догадки являются желаемой целью Бодрийяра и служат основанием его критики современных социологии и социологических методов.

II. Проблема неопределенности в квантовой физике

Бодрийяр обращается к анализу физики по нескольким причинам. Во-первых, он убежден в том, что изменения в физике являются следствием более широких сдвигов в западной системе знания и репрезентации. Во-вторых, он утверждает, что онтологические проблемы, обозначенные квантовой физикой, показывают, что подобные теоретические идеи не являются только «метафизическими» и не ограничены только сферой идеалистической философии. Наконец, современная физика обусловила подрывной анализ «визуального знания» Бодрийяра, поскольку вызов, брошенный квантовой физикой классической механике, связан с визуальным наблюдением объекта: несмотря на то, что в классической механике прямое наблюдение параметров возможно, такая возможность отсутствует для систем квантовой механики. Итак, физики могут наблюдать и определять квантовые объекты только в ходе их реакции на внешнее воздействие или в акте взаимодействия с инструментом¹. Уже такие взаимодействия меняют импульс объекта и его траекторию, делая невозможной одновременную фиксацию его импульса и местоположения. По этой причине «принцип неопределенности Гейзенберга» утверждает, что наблюдение в квантовой физике является возмущением скорее в своем принципе, чем в своих следствиях (in practice). Тем не менее, такая неопределенность, фиксируемая в наблюдении, является вторичной по отношению к онтологической неопределенности самого объекта.

В «экспериментах двойного расщепления» физики проецируют световую частицу на экран через маленькие отверстия (рисунок 1). Получаемый световой образец, однако, демонстрирует типичное поведение для взаимодействующих и интерферентных волн. Таким образом, объект проявляет характеристики и частицы, «вещи», и

¹ Cushing J. T. *Philosophical Concepts in Physics: The Historical Relation Between Philosophy and Scientific Theories*. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 290.

волны (возмущения в поле). Это явление корпускулярно-волнового дуализма наполняет определенным содержанием утверждение Бодрийяра о том, что объект «играет со своей собственной объективностью» и «появляется только в виде неустойчивых и случайных следов-треков на виртуализированном экране»¹. Итак, поскольку наука понимает знание как *зеркало* внешнего мира, Бодрийяр утверждает, что, как и экран в экспериментах ученых-физиков, дисплей компьютера или экран телевизора скорее проектируют реальность, чем отображают её:

Свет телевизора исходит из ниоткуда и ничего не отображает. Всё происходит так, будто экран сам по себе является причиной и источником тех явлений, которые появляются на нем, последствия таких софистических рассуждений о системах «объективного» схватывания настолько серьёзны, что они отменяют саму объективность их становления².

Рисунок 1. Эксперименты двойного расщепления и волновая активность частицы

Из двух этих цитат нам становится ясно, что, несмотря на то, что «экран» подразумевает телевизор или компьютер, данное понятие также отсылает ко «всем системам записи и контроля» или «поверхностям с надписями»³. Это действительно так, поскольку у Бодрийяра различие между репрезентацией и симуляцией является осно-

¹ Baudrillard J. The Vital Illusion. New York: Columbia University Press, 2000. P. 75.

² Baudrillard J. Fatal Strategies. New York: Semiotext(e), 1990. p. 85.

³ Ibid.

вополагающим, так как любая система записи, будь то научный аппарат, опрос или исследование, либо устройство фиксации звука, представляет собой некий «экран», который скорее проектирует симулированную реальность, чем отображает изначальную. Поскольку экраны «проектируют» объект, или референт, их функционирование создаёт определённые препятствия для нахождения настоящего (true) референта, таким образом, «в горизонте науки объект исчезает¹». Так, Бодрийяр приходит к следующему выводу:

Мир сегодня вовлечен в разногласия, отказ от законов, парадоксально, но даже в отношении законов физики... Это происходит не в силу недостаточного развития наших науки и технологий, как раз наоборот. Чем ближе в ходе экспериментов мы становимся к объекту, тем сильнее он скрывается от нас... Мы не можем полагаться на оговорки касательно неудовлетворительного развития научного, интеллектуального, умственного аппарата. Этот аппарат уже дает все, что он только может дать; он реализуется так интенсивно, что даже вышел за границы своих собственных определений рациональности².

Однако, подобные проблемы, как доказывает Бодрийяр, вовсе не ограничиваются только областью физики. Реальность и значение новостных событий в этом смысле также являются неопределёнными, поэтому мы не можем понять исходный референт (событие) вне сферы действия медиа и технологий. Подобно тому как это происходит с частицей, анализ и исследование вызывают еще большую онтологическую неопределённость и как следствие выносят реальный референт за пределы досягаемости. В связи с этим Бодрийяр делает вывод о том, что «неопределённость просачивается во все сферы жизни, и совершенно не ясно, почему её действие могло бы быть ограничено только областью науки»³.

Трудности, связанные с пониманием внешних объектов, привели к тому, что учёные обосновывают истину скорее посредством измерения объектов, полученного на основе наблюдения, а не самими объектами⁴. Однако, Бодрийяр называет этот инструменталистский сдвиг «ограниченной революцией», поскольку она потерпела неудачу, принимая во внимание гораздо более радикальную гипотезу, согласно которой объекты активно сопротивляются нашему анализу⁵. Он отмечает, что в общественных науках наши «объекты» (люди) могут искусно уклоняться от анализа социолога, давая неверные ответы, необоснованные ответы или вовсе отказываясь отвечать. Так, Бодрийяр утверждает, что поскольку традиционно считается, что «субъект» подчинен своему объекту в обращении с ним и исследовании, объект действительно активно подчиняет себе субъект⁶. Эта позиция, согласно Келлнеру, продолжает прежнее исследование Бодрийяра в отношении того, каким образом мир объектов управляет субъектом. В то время как изначально он утверждал, что товары очаровывают субъектов в обществе потребления, так и теперь он доказывает, что объект полностью дестабилизирует субъекта и расшатывает «философию субъективности, которая до-

¹ Ibid.

² Baudrillard J. *The Vital Illusion*. New York: Columbia University Press, 2000. P. 79–80.

³ Baudrillard J. *The Perfect Crime*. New York: Verso, 2002. P. 55–56.

⁴ Baudrillard J. *Fatal Strategies*. New York: Semiotext(e), 1990. P. 81.

⁵ Ibid. P. 82.

⁶ Ibid. P. 83.

минировала во французской мысли с Декарта»¹. И если легко понять, как общественность намеренно уклоняется от прямых ответов в социологических опросах, Бодрийяр никогда достаточно полно не объясняет, каким образом объект может иметь «намерение». Поскольку объект лишён субъективности, возникает его концепция соблазна, так как наша неспособность фиксировать объект и точно определить его вводит нас в *соблазн* исследования широкого спектра практик и действий².

Смещение объектом субъекта заставляет Бодрийяра обратиться к новой радикальной форме теоретизирования, которая кладет конец симуляции объекта³. Поэтому, чтобы нарушить код западной сигнификации и рациональности, тексты Бодрийяра становятся всё более «поэтическими» и «перформативными». Однако, Бодрийяр утверждает, что эта новая форма теории не будет принята теми теоретиками, кто прошел выучку строгой научной методологии:

Обычно мы считаем самой трудной вещью следование протоколам экспериментов и верификаций. Но в действительности труднее всего отказаться от истины и возможности верификации, оставаясь как можно долго на скрытой, противоречивой обратной стороне мысли⁴.

Чтобы покончить с симуляцией, теория должна выйти из области аналитической каузальности к «поэтическому миру» воображения и иллюзии⁵. Однако, эта «поэтика иллюзии» не является просто метафизической, так как иллюзия материальна⁶. Согласно теории Большого взрыва, после первоначального выброса энергии, пока Вселенная остывала и расширялась, образовалось неравное количество материи и антивещества. Однако, согласно Бодрийяру, антивещество «создаёт нечто вроде невидимого параллельного мира, анти-Вселенную»⁷. В связи с этим антивещество является двойником и противником (the dual/duel) материи точно так же, как смерть по отношению к жизни. Тем не менее, Бодрийяр убеждён, что как западная деструкция символического обмена смерти и жизни обусловила современную ситуацию бессмысленности, так и исключение антивещества «купирует» и ограничивает реальность; следовательно, наше восприятие реальности – иллюзия⁸. Таким образом, несмотря на то, что ограниченная материальность согласуется с физическими законами, сами эти законы не являются «истинными», поскольку являются следствием «онтологического упрощения»:

Я обнаружил, что, по крайней мере на символическом уровне, наша реальность, возникшая из радикального упрощения космоса, больше не имеет истинной ценности; лишённый своего двойника, своей темной стороны, наш мир – это дефинитивная иллюзия. Мы пытаемся обнаружить следы этой иллюзии, знаки изначального преступления против негативности, которое началось с элиминации антивещества⁹.

¹ Kellner D. Jean Baudrillard After Modernity: Provocations On A Provocateur and Challenger // In International Journal of Baudrillard Studies. 2006. Vol. 3. №1. P. 20 (www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol3_1/kellner.htm).

² Baudrillard J. Fatal Strategies. New York: Semiotext(e), 1990. P. 83.

³ Ibid. P. 181.

⁴ Baudrillard J. The Vital Illusion. New York: Columbia University Press, 2000. P. 68

⁵ Ibid. P. 57.

⁶ Ibid. P. 72.

⁷ Ibid. P. 72–73.

⁸ Ibid. P. 73.

⁹ Ibid. P. 73–74.

Будь то физическая наука или социальная теория, Бодрийяр в поисках «другой» стороны реальности ставит под вопрос преобладающие ограничительные трактовки реального. Следовательно, теория должна сконструировать реальность, обладающую значением в его полноте, а не ограниченную и (всего лишь) рациональную.

Стремясь к концу (ограниченной) реальности и противостоя симуляции, теория помогает нам понять реальное. Так, Батлер убеждён, что Бодрийяр использует понятие «реальное» в двух различных смыслах – симулированной реальности, возникающей в теоретических и социо-культурных системах, и реального, ограничивающего эти системы, оставаясь вне их и находясь в постоянной опасности возможной симуляции. Таким образом, Батлер делает вывод о том, что работу Бодрийяра

не только нельзя понимать просто как торжество симуляции, конец реального, как это сделало бы большинство комментаторов. Скорее, его проблема заключается в том, как мыслить реальное, когда всё является симуляцией, как использовать реальное против попыток различных систем рациональности объяснить его. Неожиданный поворот. Бодрийяр выступает как защитник реального от всех попыток говорить о нём, включая, конечно, свои собственные¹.

Итак, несмотря на то, что теория не может когда-либо «схватить» реальность, мы, тем не менее, можем мельком взглянуть на неё, если на мгновение приостановим действие симуляции. Однако, такие проблески реальности наиболее различимы в перформативных текстах, лакуны и несоответствия которых выявляют границы строгой рациональной аргументации, доминирующей в западной теории. Таким образом, подобно символическому обмену, обнаруживаемому в некапиталистических обществах, теория представляет собой форму обмена, которая бросает вызов коду западной сигнификации.

III. Является ли квантовая физика постмодернистской наукой?

В то время как Бодрийяр убежден в том, что события квантовой физики показывают, что его собственный анализ не является просто метафизическим, Норрис считает, что Бодрийяр использует физику для того, чтобы «дать “научное” обоснование постмодернистскому скептицизму»². Следовательно, Норрис надеется составить своеобразную конкуренцию Бодрийяру и прочим, проследив вытесненную и изолированную аналитическую контр-традицию, инициированную дискуссией Эйнштейна-Бора, развитую в трудах Эйнштейна-Подольского-Розена и достигшую своей кульминации в теории «скрытых параметров» Дэвида Бома. Все эти физики отрицают Копенгагенскую Интерпретацию квантовых явлений в поддержку того, что Норрис считает «реалистической онтологией». Таким образом, Норрис убеждён, что прославление постмодернистами квантовой теории – это

в строгом смысле нарушения рациональной системы ценностей, мыслители призывают извлечь далеко идущие онтологические и эпистемологические выводы из сферы мысли... избобилующей парадоксами и страдающей недостатком адекватного понимания своих собственных оперативных понятий, если в данном случае имеется хоть какое-нибудь их понимание³.

¹ Butler R. Jean Baudrillard: The Defence of the Real. Thousand Oaks, California: Sage, 1999. P. 17.

² Norris Ch. Quantum Theory and the Flight from Realism. New York: Routledge, 2000. P. 2.

³ Norris Ch. Quantum Theory and the Flight from Realism. New York: Routledge, 2000. P. 5.

Норрис поднимает интересный вопрос, касающийся природы интердисциплинарной работы, поскольку слишком часто научное сообщество принимает понятия и проблемы без полного понимания их сложности или исторических условий их становления. Впоследствии «контр-традиция» в физике действительно угасает, многие другие специалисты находятся под воздействием идей квантовой физики и активно заимствуют их. Однако, многие критики также полагают, что Норрис неверно понимает физику, делает чрезвычайно поспешные обобщения и демонстрирует ещё более упрощённое понимание в духе дихотомии реализма – антиреализма.

Норрис прибегает к работам Дэвида Бомы, чтобы указать на несостоятельность антиреалистической линии в Копенгагенской Интерпретации. Бом отвергает положение Бора о том, что мы располагаем только *измерениями* объекта, а не наблюдением за самим объектом. Более того, Бом рассматривает проблему корпускулярно-волнового дуализма, утверждая, что электрон *является* и частицей (объектом), и что волна

так же, как частица, представляет собой скорее самостоятельную реальность, существующую автономно, чем всего лишь её функцию, задающую статистические свойства явлений: ...напряжённость поля пропорциональна вероятности действительного нахождения частицы в соответствующем участке пространства (а не простой вероятности наблюдения явления, связанного с обнаружением в данном месте частицы)¹

Так, Бом доказывает, что микрообъекты в пространственно-временном континууме имеют специфические траектории, если мы представляем объект как частицу в сопровождении «направляющей» его волны². Таким образом, Бом возвращает объекты на уровень онтологической определённости и в некотором роде бросает вызов утверждению Бодрийяра о том, что материальный референт исчез, стал неопределённым и ускользает от наших попыток фиксировать его. Всё же, несмотря на то, что Норрис обращается к концепции Бомы как «реалистическому опровержению» постмодернистской теории, он никогда ясным образом не поясняет, почему (если это так) теория Бомы является наиболее показательной с точки зрения реалистической онтологии и каузальности³. Такое представление кажется весьма проблематичным, поскольку теория Бомы, в отличие от классической детерминистской физики, придерживается теории причинности нелокального типа: на параметры объекта X могут влиять свойства объекта Y, даже если они дистанцированы в пространстве. Чакраворти делает следующий вывод:

Норрис критикует общепринятую интерпретацию квантовой механики, требуя, чтобы мы отказались от нашего «классического» понятия причинности и пересмотрели наше понимание физической реальности, но самый важный вызов, перед которым оказывается реалист, обращен на те же точно пределы, что и теория Бомы⁴.

¹ Bohm D. Hidden Variables and the Implicate Order / Quantum Implications: Essays in honour of David Bohm. Ed. by B.J. Hiley and F. David Peat. New York: Routledge & Kegan Paul, 1987. P. 36.

² Cushing J. T. Philosophical Concepts in Physics: The Historical Relation Between Philosophy and Scientific Theories. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 331–333.

³ Chakravarty A. Review of C. Norris, Quantum Theory and the Flight From Realism: Philosophical Responses to Quantum Mechanics // Metascience. 2001. № 10. P. 485.

⁴ Ibid. P. 486.

Действительно, сам Бом утверждает, что понятие нелокальности фундаментальным образом отделило его работы от классической физики и считает, что его позиция произвела «радикальный и резкий» отход от классической физики и ее понятий¹.

Нелокальность является не единственным фактором, проблематизирующим дихотомию реализма Боба и антиреалистической Копенгагенской Интерпретации. Хотя Норрис, через тексты и концепцию Боба, заявляет, что частица обладает определёнными физическими значениями постоянно, Бом в действительности утверждает, что установлено лишь положение частицы, тогда как другие параметры, как, например, значение спина, «не являются внутренне присущими частице» и проявляются только в экспериментальной структуре². И вновь, несмотря на попытки Норриса представить Боба преемником реализма классической физики, работы Боба отрицают такую трактовку:

Зависимость контекста от величин – ещё одно свидетельство того, что наша интерпретация не подразумевает простого возврата к базовым принципам классической физики. В определённом смысле оно также включает в себе идею Бора о неразличимости в единой системе наблюдения его аппарата и наблюдаемого объекта. Действительно, можно сказать, что наш подход обеспечивает несколько интуитивное понимание сказанного Бомом³.

Смысл здесь заключается в том, чтобы не вступать в полную силу в теоретические дебаты физики. Но в связи с критикой Норриса, чрезмерно упрощающей позицию Бодрийера относительно Войны в заливе, следует с достаточной долей осмотрительности относиться к его оценке понимания Бодрийером физики. Итак, несмотря на то, что Майрволд не поддерживает использование квантовой физики постмодернистским скептицизмом, тем не менее, он приходит к выводу о том, что Норрис выстраивает в своем анализе крайне упрощенную дихотомию реализма и антиреализма, от которой ускользают все тонкости антиреалистических позиций. Хотя Норрис приписывает Бодрийеру полный отказ от онтологии, в действительности Бодрийер утверждает следующее:

Верно, что благодаря развитию техники и познания мы действительно открываем мир во всей его сложности – его атомы частицы, молекулы и вирусы⁴.

Эта цитата поддерживает утверждение Батлера о том, что, несмотря на проблематизацию Бодрийером способности теории схватывать и репрезентировать референт, он никогда действительно не ставит вопрос о существовании референта и стойко защищает реальное. Подобным образом Постер утверждает, что несмотря на весь свой скептицизм, Бодрийер не оспаривает логичность и верифицируемость таких истин как допускающих перемещение в ньютоновской Вселенной из точки А в точку В⁵. Наоборот, Бодрийер ставит под вопрос способность всякой системы на «истори-

¹ Bohm D. Hidden Variables and the Implicate Order / Quantum Implications: Essays in honour of David Bohm. Ed. by B.J. Hiley and F. David Peat. New York: Routledge & Kegan Paul, 1987. P. 37.

² Myrvold W.C. Book Review, Quantum Physics and the Flight From Realism: Philosophical Responses to Quantum Physics // International Studies in the Philosophy of Science. 2001. Vol. 15. №1. P. 118.

³ Ibid. P.118.

⁴ Baudrillard J. The Vital Illusion. New York: Columbia University Press, 2000. P. 76.

⁵ Poster M. Introduction / Jean Baudrillard: Selected Writings (Second edition). Ed. by Mark Poster. Stanford University Press, 2001. P. 7.

чески обоснованное понимание настоящего в целом»¹. И всё же, как мы видим, демонстрируемое Норрисом грубое понимание текстов Бодрийяра о науке и культуре, к несчастью, не является единственным с своим роде.

Сокал и Брикмон утверждают, что Бодрийяр грубо искажает научные знания, однако, они даже не пытаются проинтерпретировать его «научные тексты» согласно его главному аргументу². Почти ничего не зная о трудах Бодрийяра, они читают научные главы так, как если бы он был физиком-теоретиком³. Учитывая это, совершенно не удивительно, что работы Бодрийяра кажутся проблематичными. Но, как утверждает Гейн, просто невероятно даже предполагать, будто Бодрийяр серьёзно пытается внести определённый вклад в теоретическую физику, так как ему очевидно интересен способ рационализации физики культурой... революция в науках является частью и, воздействуя на все уровни и процессы, может восприниматься в качестве символа тотальных социо-культурных перемен в западных обществах⁴.

Поскольку Сокал и Брикмон и не пытаются реконструировать главный аргумент Бодрийяра, им совершенно не удалось понять причины, по которым в своих работах он обращается к физике. Несмотря на то, что они отбрасывают его концепцию как постмодернистскую бессмыслицу, согласно Гейну, сам Бодрийяр рассматривает собственную теорию скорее как «радикальный модернизм», чем постмодернизм⁵. Позиция Гейна тесно связана с определяющим различием судьбы и случайности у Бодрийяра. В то время как случайность подразумевает хаос и произвольность, Бодрийяр вкладывает в понятие судьбы значение обусловленности, необходимости и *фатума*⁶. Таким образом, *фатальная* теория не только наделяет систему способностью, которая является фатальной, но и отсылает к французской коннотации «фатальный», «фатум» в смысле предустановленного порядка. Фатальная теория в символической форме стремится восстановить порядок и значение в современном утратившем смысл мире – эксплуатирует две самые «непостмодернистские» темы⁷.

IV. Заключение

Начиная ранними текстами об обществе потребления и заканчивая поздними работами о квантовой физике, Бодрийяр интересуется, каким образом объект начинает соблазнять субъекта, управлять им и, наконец, ускользает от него. Обозревая весь корпус его работ, нигде в действительности мы не найдем того, чтобы он серьёзно «отрицал реальность материального мира». Хотя его тексты о квантовой физике не имеют своей целью внести вклад в саму квантовую теорию, они действительно показывают, что Бодрийяр заинтересован в изучении и понимании эмпирических объектов и феноменов в ходе эмпирического исследования. Итак, моя трактовка Бодрийяра подтверждает позицию Мирчандани относительно того, что, несмотря на то, что постмодернистская теория началась как эпистемологическая критика, постмодернисты-эпистемологи в действительности признают эмпирически наблюдаемые социальные

¹ Ibid.

² Gane M. Jean Baudrillard in Radical Uncertainty. Virginia: Pluto Press, 2000. P. 47.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 49.

⁵ Ibid. P. 54.

⁶ Ibid. P. 55.

⁷ Ibid.

изменения, которые ускорили рассуждения о новой эре»¹. Мирчандани убеждён в том, что, поскольку социология использует постмодернистские эпистемологические наработки в изучении новых форм постсовременной социальной реальности, мы можем засвидетельствовать некоторый сдвиг от постмодернистской эпистемологии к постмодернистскому эмпирическому исследованию. В своём собственном еще не опубликованном исследовании современной ситуации производства и потребления музыки я, например, обращаюсь к пониманию Бодрийяром симуляции с целью обоснования эмпирического исследования в отношении производства и технологии музыки. Таким образом, эмпирические исследования, моё собственное и других теоретиков, показывают, что позиция Бодрийяра хоть и не безупречна, но может служить очень ценной теоретической основой для эмпирического исследования и, следовательно, пренебрежительное отношение к ней как к «метафизической бессмыслице» необоснованно.

Перевод с английского Л. Кудри

¹ Mirchandani R. Postmodernism and Sociology: From the Epistemological to the Empirical // Sociological Theory. 2005. 2005. Vol. 23. № 1. P. 88.